

Коршун ключ потерял

Утром бабушка занялась побелкой. А Павлик прицепил к поясу деревянную саблю, купленный в магазине пистолет и на трехколесном велосипеде отправился в далекое-предалекое путешествие. Правильнее, велосипед нужно было называть одноколесным, потому что задних давным-давно уже не было. Зато оставалось седло, руль с передним колесом и педаль. Павлик надел кепку задом наперед, дрыгнул ногой — «др-р» — и помчался одноколесный мотоцикл. Мелькали дома, свистел в ушах ветер, плелись, как черепахи, обгоняемые «Волги». Мотоцикл ревел так, что бабушка не выдержала и закричала в раскрытое окно:

— Перестань! Чтоб тебя паук лягнул!

И Павлик перестал. Он отыскал веревочку и прилаживал ее к рулю. Теперь это не мотоцикл, а конь. Конь даже лучше: можно перепрыгивать канавы и овраги. А если к тому же конь не простой, а волшебный...

— Иго-го-го-го!

Несется конь в тридевятиом царстве, в тридесятном государстве. Осталось чуть-чуть проскакать, чтобы выручить золотоволосую красавицу Василису из темницы Кощея Бессмертного. Но кто там гонится? Уж не Баба ли Яга?

— Иго-го-го-го!

— Ах, забодай тебя комар! Да замолчишь ты, холера?

Ясно, что это не Баба Яга. Пришлось спешно возвращаться из тридесятого царства.

— Что это за игры: «Дыр-дыр» да «Иго-го»? — выговаривала бабушка. — Голова кругом идет!

Павлик обиделся за «холеру». Так обиделся, что минут пять его совсем не было слышно. Бабушка стала поглядывать в окно: не пробрался ли догадливый внук к банке с вареньем? А внук в это время присматривался к меднобокому тазу. Таз, наполненный всяким хламом, скучал под крыльцом. Когда его освободили из неволи и дружески шлепнули ладошкой, он радостно загудел. Теперь он уже не таз, а сразу и щит и барабан. Павлик взял палку, и таз показал, на что он способен.

— Бум! Трах! — это мчатся чапаевцы.

— Трах! Бум! Тара-рах! - тут и конница, и танки, и ракеты. Враг отступает по всем фронтам.

— Ура-а!!!

— Чтоб тебя мухи съели! - На крыльчке показалась бабушка, в руке у нее был веник.

Павлик не стал дожидаться, пока его забодает комар, лягнет паук или съедят мухи, и дал со двора дёру. Сидя в кустах, он жмурился от сердитых причитаний бабушки. Старуха расстроилась так, что, зайдя в комнату, стала возить щеткой в уже побеленном углу.

Ясно было, что попадаться ей на глаза пока не стоит. И тогда Павлик пошел к Наташе.

Наташа одевалась, когда прибежала ее

старшая сестра Люся. Она принялась спешно менять коричневые ленточки на белые капроновые банты, которые мама разрешала заплетать только в школу да по праздникам.

— Люся, ты куда?

— За грибами.

— А меня возьмешь?

— Нет, конечно. Потому что мы пойдем очень далеко.

Наташа знала, что сестру не уговорить ни за что, но все-таки попробовала:

— Люся, возьми, а?

— Сказала — нет, значит, все! — отрезала сестра маминым голосом.

Она строго

приказала Наташе ни на минуту не отлучаться со двора. Схватила корзинку и — быстрее на улицу, где ее ожидали мальчишки и девчонки.

Наташа хотела поиграть с котом Левкой. Но кот вспомнил, как вчера его полдня учили носить платье, вспрыгнул на столбик забора и, выгнув спину мостиком, предостерегающе зашипел. А когда Наташа подошла к нему, приговаривая: «Кис, кис, Лева, Левушка», — покосился ехидным глазом на пустую ладошку и махнул в кусты.

Она решила заняться надоевшей куклой, но тут появился Павлик. Вместо «здравствуй» он сказал: «Ага!» — и ткнул пальцем в небо.

Павлик уверял, что если в пасмурную погоду развести костер и хорошенько просушить небо, то на другой день обязательно будет солнце. Наташа не поверила. Не то, чтобы совсем не поверила: просушить можно, только костер нужен большой. А Павлик сказал, что вполне хватит той кучки подсолнухов, которые лежат у них под сараем.

Он таскал подсолнухи на улицу, — чтобы ветки деревьев не мешали подниматься дыму, — а Наташа потихоньку принесла спички. Разожгли костер. На костер сбежались ребята. Каждый тащил то клочок бумаги, то щепочку, то пучок соломы. Костер удался на славу. Правда, Павлику попало от бабушки за сожженные подсолнухи, а Наташе — от

мамы за то, что без разрешения брала спички. Зато сегодня все облака разбежались — ни одного не видно.

— Мы в другой раз еще не такой разведем, правда?

Наташа согласно кивнула, а потом рассказала о своем горе: как сестра ушла за грибами и не взяла ее с собой. А Павлик — как за ним гналась бабушка с веником. Тут они оба погоревали о том, как тяжело им живется, что их никто не любит, и дружно договорились пойти бродить по свету. Не насовсем, а чтобы все искали и думали, что их украл злой волшебник. А они были бы живы и здоровы. А потом бы их нашли, жалели и купили бы конфет.

Павлик предложил пойти к дедушке на пасеку. Наташа надела панамку, в кармашек платяца положила горбушку хлеба. Павлик поправил саблю. И можно было отправляться, да замка нет, нечем дом запереть. Тогда они нашли ленточку, продели ее в кольца двери и завязали на пять узелков.

— Вор пока развяжет, его милиция и поймают, — заверил Павлик.

Закрыли калитку на вертушку — и в путь.

В конце деревни свернули в переулок, чтобы пройти на луг. А навстречу гуси с гусятами. Впереди грозно вышагивал серый гусак с шишкой на носу. Не он ли недавно гнался за Наташей? Синяки на ногах до сих пор не сошли.

— Я дальше не пойду-у, — сказала она.

Тут путешествие, наверное, и закончилось бы, но Павлик выхватил саблю и смело

бросился на врага. Гусак не думал сдаваться: вытянул шею и зашипел змеей.

— Ишь, ишь!

А гусята пощипывали себе траву да приговаривали:

— Прогони, прогони! За ноги, за ноги!

Но Павлик так подпрыгивал, так отчаянно махался саблей, что врагу пришлось

отступить к изгороди. Ребята прорвались

к лугу. Обиженный гусак с топотом погнался за ними.

Спустились с горки на луг. На лугу пасся теленок, привязанный к колышку. Для того, чтобы на него обратили внимание, теленок поставил хвост палкой и бросился бегать по кругу. Взбрыкнул разок и, растопырив ноги, устался на ребят. Был он рыженький, с черной звездочкой на лбу и в белых носках. Смотрел так дружелюбно и доверчиво, что Наташа достала горбушку и протянула ему. Теленок сжевал хлеб, на закуску лизнул одну свою ноздрю, потом другую. И когда Наташа обняла его за мягкую шею, лизнул ее шершавым языком прямо в нос.

Они уходили, а теленок грустно глядел им вслед.

— Му-у, куда же вы? Мне ску-учно одному-у!

— Давай отвяжем? — предложила Наташа. — Пусть побегает.

Теленок обрадовался: носился и туда, и сюда, долго шел за ними следом. Потом увидел у речки стадо и побежал через луг.

...Высоко в небе, у самого солнца, чуть пошевеливая крыльями, парили коршуны.

Ребята подняли головы и закричали:

— Кор-шун, кор-шун, ключ потерял!

Кор-шун, кор-шун, ключ потерял!

Рассказывают, что в старые-давние времена все птицы: и большие, и маленькие, жили в хрустальном дворце. Золотой ключик от него им подарил добрый волшебник. Он наказал птицам, чтобы жили мирно, не ссорились и пуще глаза берегли ключик. Когда они улетали кормиться, всегда забирали ключик с собой. Они и сейчас бы еще в хрустальном дворце жили, да виноваты коршуны. Однажды они между собой договорились спрятать ключик, чтобы только им одним жить во дворце. И только спрятали, как хрустальный дворец исчез. Они назад, за ключиком, — место вроде то самое, а дворца нет как нет.

Значит, и вправду волшебный был.

С тех пор коршуны стали такими злыми и нелюдимыми. А птички, завидев их близко от своих гнезд, гоняются за ними и кричат: «Где ключ? Где ключ?»

Коршуны по сей день летают кругами и смотрят на землю: не найдется ли ключик? Но отыскать никак не могут. И, конечно, страшно досадуют, когда им кричат: «Коршун, коршун, ключ потерял!»

А еще говорят, что тот, кто найдет ключик, найдет вместе с ним и счастье.

— Знаешь, Наташа, — сказал Павлик, — а ключик где-то здесь. Потому что коршуны все время тут летают.

— А где же дворец?

— Дворец? — Павлик глянул по сторонам, а затем показал на далекий холм. — Там, наверно... Конечно, там.

— А почему его не видно?

— Так он же не простой, а волшебный.

— Вот бы ключик найти!

— Одним трудно: луг во-он какой большой, А если б собрать всех ребят с нашей улицы...

Пересекли березовую рощу—вот и пасака. Избушка в яблоневом саду, а вокруг рядами голубые пчелиные домики.

Павлик погладил живот, заулыбался:

— Сейчас меду наедемся, — и закричал:

— Дедушка! Это мы!

Но никто не отозвался, не вышел на крылечко. Зато из травы поднялась большая лохматая собака. Она громыхнула цепью и хрипло залаяла. И тут они увидели, что на двери висит черный замок.

— Мне есть хочется, — тоненьким голоском молвила Наташа.

— Я сейчас... он меня знает.

— Лучше не надо, — прошептала Наташа. Но он уже шел к крылечку, ласково приговаривая: «Серый, Серый, ты меня забыл, да?» — а шаги все короче, короче. Пес перестал лаять, замахал хвостом и, подойдя к Павлику, протянул лапу — «здравствуй», значит. Павлик взял его за ошейник,

— Иди, не бойся.

Наташа бочком прошмыгнула на крылеч-

ко. Павлик потрогал замок.

— Дедушка, наверно, сено косит.

Обидно стало: столько шли-шли, а тут — дома никого. У Наташи зачесались глаза, а Павлик сказал:

— Я сейчас ключ найду.

Он заглядывал под крылечко, под ведра, стоявшие на скамье. Ключа не было. Тут уже можно было разреветься, да выручил Серый, следивший за малышами добрыми и чуть насмешливыми глазами. Он подошел к камню, что лежал у крылечка, и царапнул его когтистой лапой. Подняли — а под ним ключ.

— Молодец, Серый! — закричал Павлик.

Пес почесал лапой за ухом, зевнул и пошел в будку «эх вы, глупышата!»

...Банку с медом и каравай хлеба отыскали куда быстрее. Сперва макали хлеб в мед, потом ели ложками, а когда уже ничего не осталось, налили в банку воды, разболтали хорошенько и напились по очереди.

В домике было прохладно и тихо, пахло сушеными травами. Идти никуда не хотелось. Достали с этажерки пачку журналов и принялись рассматривать картинки. Журналы были скучные: немного про цветы, а больше про пчел. Наташа вспомнила новую книжку с картинками, которую вчера привез папа, и ей чуточку захотелось домой. Когда же подумала про ленточку на двери, домой захотелось еще сильнее. А Павлик хоть бы что.

— Пойдем на речку, искупаемся? — говорит.

Наташа сказала:

— Скоро мама с работы придет...

Павлик посмотрел на пустую банку, вздохнул:

— Как там бабушка без меня управится?

— А что подумает дедушка? Скажет — воры съели мед?

— Мы ему напишем, что это мы, — сказал Павлик.

Но тут оказалось, что они умели писать только «мама», «папа» да еще чуть-чуть. Старательно вывели свои имена. Записка показалась короткой, и Наташа

нарисовала дом, из трубы которого валил дым. А Павлик — реактивный самолет (дым летел за страницу) и солнце с густыми лучами. Наташа в другом уголке добавила еще одно солнце, тоже с лучами.

Листок приставили к цветочному горшку и были готовы в обратный путь.

Павлик сказал, что знает другую дорогу. Наташа вспомнила сердитого гусака и согласилась. «По новой дороге даже лучше».

Шли полем. Солнце пекло, как печка. Хотелось пить. А деревня была еще далеко: еле виднелась красная крыша новой двухэтажной школы. Пробовали идти и шажком, и вприпрыжку, и бегом — крыша чуть-чуть виднее стала.

Наташа остановилась, чтобы вытряхнуть из сандалии камешек. И тут она увидела на обочине, под листком подорожника, ключик. Она не поверила: закрыла глаза, открыла — лежит ключик. Осторожно, как кузнечика, — хлоп его ладошкой. Посмотрела на небо — целых три коршуна кружились как раз над этим местом. Прошептала:

— Павлик, смотри!

—Что?

—Ты посмотри только! Он подбежал, присел на корточки. — Бабочку поймала, да?

— Тише... Смотри! — и она осторожно приоткрыла ладошку.

— Ключик!.. Тот самый!

Конечно, это был тот самый ключик, что потеряли жадные коршуны. Тот самый, что приносит счастье.

Они сели на траву и стали его рассматривать. Был он, наверное, золотой, потому что так и сверкал на солнце. Заглянули в таинственно черневшую дырочку. Посмотрели на далекий холм, но волшебный дворец не показывался...

— Смотри, не потеряй! — приказал Павлик и через каждые десять шагов справлялся. — Не потеряла?

— Нет еще.

Разговаривали вполголоса и незаметно поглядывали на небо. Глупые коршуны все летали, разглядывая землю. Они и не

догадывались, что ключик уже найден. Прошли немного — и начались чудеса. Засигналила машина и, поравнявшись с ними, остановилась. Распахнулась дверца.

— Куда, путешественники? — спросил шофер.

Его никто не просил, а он остановил машину. И как он мог догадаться, что они путешественники?

— В деревню? Садитесь, подвезу. Живо вскарабкались в машину. Павлик так торопился устроиться поближе к рулю, что едва не уселся на горку красных черешен, завернутых в лист лопуха.

Шофер похвалил Павкину саблю, подивился их смелости: «Сами ходили на пасеку? За три километра? Храбрый народ пошел!» — и подвинул им черешни.

Они взяли по яголке, а он говорит?

— Ешьте, ешьте, чего застеснялись?

Павлик запустил в черешни обе руки, а Наташа только одну, потому что другая была в кармане, с ключиком. А шофер догадливый;

— Что там у тебя за сокровище? — спрашивает, а сам смеется.

Конечно, это уже никакая не тайна, если ее будет знать каждый встречный-поперечный. Но шофер был такой добрый. И они рассказали ему все: и про ключик, и про злых коршунов.

Он не поверил:

— Неужели тот самый?

Рассмотрел ключик, подбросил на ладони.

— Никакого сомнения — ключик настоящий!

Он поправил фотографию, прикрепленную к стеклу. На ней улыбалась девушка с солнечными волосами. Улыбалась, а глаза были почему-то грустными и чуть-чуть виноватыми. Рассказывал:

— Я его тоже искал, долго. Еду, бывало, а сам все на дорогу гляжу — вдруг попадется. Иду лесом или полем — тоже присматриваюсь. В армии служил — все о нем думал. Да, видно, плохо искал, или такой уж я несчастливый да невезучий... Вы ключик берегите, не ссорьтесь, а то

никогда не видать вам хрустального дворца...

— Приехали. Будьте здоровы, ребяташки!

— Спасибо! — в один голос ответили Павлик и Наташа. Удивительно, это слово такое забывчивое, а тут сразу обоим вспомнилось.

— Берегите ключик, не потеряйте!

— Не потеряем!

Сначала побежали к Наташиному дому. Вдруг его обворовали? А что если воры утащили новенький портфель? С чем же Наташа пойдет осенью в школу?

Но калитка так же была на вертушке. Так же было пять узелков на ленточке. А бессовестный Левка теперь сам подбежал и гладил щекой Наташины ноги.

Только присели на ступеньки, а тут бабушка кричит:

— Пав-лик! Пав-лик!

Он не сразу откликнулся: прислушался — сердитая бабушка или нет. Если сердитая, можно и не отозваться.

— Пав-лик! Ничего будто, не сердитая.

— Я здесь, у Наташи!

— Идите вареники есть!

Вареники со сметаной — любимая еда Павлика.

— Идем!

Бабушка нисколько не ругалась, не кричала на Павлика, только и сказала:

— Где вы целый день бегаете? Я зову-зову... Садитесь, а то простынут.

Вареников была полная миска: и с творогом, и так, лепешками. Павлик сразу нырнул вилкой на дно, где сметаны побольше. Бабушка носила стулья в комнату, а сама хвалилась:

— Побелила, полы вымыла. Сейчас одежду перетрушу — и отдохнуть можно.

Наелись так, что в животах стало тяжело, а на вареники и смотреть не хотелось.

Тогда бабушка сказала:

— Идите играйте. Теперь я сама управляюсь.

Только выбежали на улицу — а навстречу Костя. Ревет, грязь по

щекам размазывает.

— Костя, ты чего?

— Мне... мне папка сегодня ножик подарил на день рождения, четырехскладный. А я

бежал по дороге и потерял. П-потому, что дырка в кармане...— и он вывернул карман, в котором действительно была дырка. Была потому, что Костя всегда таскал железки и всегда у него там что-то звякало.

Нужно выручать товарища. А ножик найти — это не дрова носить или цветочки из лейки поливать. Тут сноровка нужна. Бывает, ищешь-ищешь в одном месте, а потерянное во-он где окажется.

Наташа опустила руку в карман, зашептала про себя:

— Ключик, ключик, выручай! Ключик, ключик, помоги!

Шли рядом, всматриваясь под ноги. Только искать начали, а Павлик уже кричит:

— Нашел! Костя! — и расхвастался. — У меня глаз вострый. Бабушка только попросит — сразу нитку в иголку вдену. «Хвалится, совсем забыл про ключик. А ведь это он помог. Потому что, когда однажды Павлик кувыркнулся на соломе и тоже потерял свой ножик, привязанный на ремешке, то все перерыли, а не нашли ни ножика, ни ремешка», — но Наташа не стала об этом напоминать.

Костя обрадовался. Вытер ножик майкой. Сам и плачет еще, и смеется. Щелкал блестящими лезвиями, подобрал ивовый прут — показал, какой ножик острый. А потом:

— Давайте в футбол играть? — И уже собрался сбегать за мячом, а тут Люся кричит:

— Наташа!

Подбежали — глядь, а у нее полная корзина грибов. Люся ласковая такая:

— Мама и папа еще не пришли?

И пообещала, что завтра же с Наташей, Павликом и Костей пойдет за грибами. Потому что это совсем недалеко и грибов тьма-тьмушая. Можно одних белых собирать, и земляника поспела.

Люся налила тарелку холодного супа, а ребят попросила грибы перебрать. От

такой работы никто не откажется. Очистишь тугую ножку, разломишь шляпку — не червивый ли? — и окунай в холодную воду. Тут тебе и рыжие лисички, и важные боровики, а то белый попадется — над всеми грибами главный. Люся стала жарить грибы. А ребята побежали на улицу. Сначала играли в футбол, а потом в палочки-выручалочки. Заигрались так, что не заметили, как наступил вечер. Еще б самую чуточку побегать, а тут мамы зовут — нужно мыть ноги да ложиться спать.

Вот так и прошел этот день.

А ключик ребята завернули в серебряную бумажку от конфет и зарыли под липой, что растет во дворе Наташиного дома. Сверху положили два кирпича, привалили камень-голыш.

Ни за что не догадаться, ни за что не найти его жадным и злым коршунам.